

Последняя ночь апреля

Война изменила Василия. Прежде коллеги по угрозыску знали Зуева как шутника и балагура, но теперь его суровое, исхудалое лицо оживлялось только тогда, когда он вместе с другими подпольщиками уходил на задание. Отличаясь отчаянной храбростью, он вместе с тем молил судьбу лишь об одном — дожить до Победы, чтобы всем своим существом ощутить ее торжество.

Шел апрель 1942 года. Но даже весна не смогла развеять застоявшийся в городе запах пепелищ и развалин. По вечерам земля вокруг паровозного депо, где работал Василий, гудела — это неслись к фронту тяжеловесные фашистские эшелоны с танками, пушками, солдатами. Василий хмурился, глядя вслед эшелонам, и кусал губы: немцы усилили на станции охрану составов, нечего было и думать подступиться к ним, как прежде, с минами.

В последнюю ночь апреля ему всё-таки удалось проскользнуть к одному из эшелонов. Он минировал паровоз, а чувство нависшей опасности не покидало ни на минуту. Едва выпрямившись, неожиданно получил сильный удар в голову, упал. Его подхватили и, ещё не пришедшего в себя, потащили в офицерский вагон, прицепленный к эшелону с танками. Здесь он очутился один на один с сухопарым моложавым гестаповцем, которого он узнал сразу: нынешний шеф отделения гестапо на станции в начале войны был в составе парашютистов, захвативших город, и чудом ушел от его пули. И вот теперь они снова встретились.

— А-а, Зуев!

Гауптман деланно улыбался. Побритый и надушенный, в новеньком черном кителе с жёлтым крестом на груди, он с холодным любопытством уставился на Василия.

«Ясно, — подумал Василий. — Мой провал связан с этим гестаповцем Крафтом. Только бы эшелон не осмотрели!..»

Крафт на мгновение помрачнел, но потом с прежней бездушной улыбкой откупорил бутылку вина, разрезал на кружочки лимон.

— Садись!

Василий устало опустился на диван. Гауптман вытер салфеткой руки, достал портсигар, протянул пленнику.

Сигарета оказалась трава травой. Василий вдохнул раза два её кисловатый дымок и бросил окурочок в пепельницу.

Гестаповец усмехнулся:

— Не нравится? Мне тоже. В мирное время я всегда покупал сигары.

Мелодично залился звонок телефункена. Крафт выслушал кого-то и, довольный, положил трубку.

— Ну, что же, поговорим?

Он сел напротив Василия, откинулся на спинку дивана. С интересом оглядел задержанного. В замасленной спецовке, с разбитыми в кровь губами, короткой стрижкой, Василий выглядел совсем ещё молодо. Однако лицо его было сурово и непроницаемо.

«Он должен заговорить. Должен!..» — убеждал себя Крафт. Взбешенное участившимися диверсиями вышестоящее начальство отдало ему на днях прямо-таки иезуитский приказ: лично

сопровождать воинские эшелоны до соседней станции. Видимо, начальство рассчитывало, что в этом случае он волей-неволей предпримет более энергичные меры для безопасности эшелона в пути следования. И вот первая удача!..

Простуженно загудел паровоз. За окном медленно поплыли пристанционные постройки. С каждой секундой колеса поезда стучали все громче и громче.

Василий облегченно вздохнул: «Раз эшелон отправили без задержки, значит, весь состав не осмотрели...»

— Хочешь, скажу, о чём ты думаешь? Ты, Зув, огорчён нашей встречей. Ведь тоже сразу меня узнал, не правда ли?

Крафт говорил медленно, старательно подбирая фразы, Он гордился тем, что так хорошо освоил русский язык.

Но Василий уже не слушал его. Отвернулся к окну. С того момента, как его схватили, он с особой остротой сознавал, что жить ему осталось недолго. Правда, он мог попытаться изменить свою судьбу, рассказав о мине...

«Та-та-та-та! Та-та-та-та!...» — стучали колеса. Одна за другой убегали за окном берёзы, проплывали залитые лунным светом полосы изрытой снарядами земли. И снова берёзы, берёзы, берёзы...

Крафт продолжал говорить:

— Однажды мне подбросили некролог о моей скоропостижной кончине. Ты не знаешь его автора?.. Он плохой астролог, Зуев. Как видишь, я по-прежнему жив и здоров!..

Василий метнул на него гневный взгляд.

— От суда народа не убежишь и не схоронишься. Так что, приговор будет приведён в исполнение!

Лицо Крафта побагровело.

— У тебя крепкие нервы, Зуев...

И тут в голову ему пришла поразительная мысль. Этот задиристый русский оттого так себя ведет, что, видимо, пока не догадывается о произведенном осмотре паровоза. Пожалуй, на этом можно сделать отличную игру!..

Крафт скривил лицо в усмешку, взглянул на часы.

— Скоро закончится последняя ночь апреля. И ты можешь выпить за последний ваш Первомай. Россия обречена, наши войска уже под Сталинградом...

Теперь усмехнулся Василий.

— Хвастала синица, что море зажгла!.. Как драпали от Москвы, так и от Сталинграда будете шпарить!..

Крафт с трудом сдержался. Отпил глоток вина. Взял кружочек лимона.

— Ну, хватит, оракул!

Он пристальным взглядом уставился на Василия — откуда у него такая уверенность в возможности большевиков?

— Почему ты оказался на станции? Что делал у паровоза? Отвечай!

Глаза Василия потемнели, он молча отвернулся к окну.

Берёзы, берёзы, берёзы! Такие же поднимались в парке за его домом. Хороший был парк: чистый, светлый. А белые стволы словно плыли в хороводе...

Он любил приходить к ним после работы, когда в парке уже гремела музыка, веселилась молодежь.

Там, в укромном уголке, под радостно-светлой молодой берёзкой он впервые обнял свою Галинку, неловко чмокнул её, притихшую и смущённую. А утром назвал невестой. Но через месяц — война! И не стало Галинки. Мать тоже погибла при бомбёжке. Затерялся на фронте отец, обгорели кудрявые берёзы...

Василий гневно повернулся к гестаповцу. «Уставился, гад! Будто и впрямь не знает, что я делал у паровоза... Хитрит, черт! Только бы выиграть время!..».

— Я командир диверсионной группы.

Крафт нервно щёлкнул зажигалкой, торопился скрыть свое волнение. Он торжествовал, что его игра удалась. Русский фанатик рассчитывает, конечно, на взрыв, оттого и заговорил. Крафт был доволен. Он глубоко затянулся дымком сигареты.

— Дислокация группы? Её состав?

— Комсомольцы!

...В первые же дни войны в райком комсомола поступили сотни заявлений от молодежи с просьбой отправить на фронт. Василий тоже написал такое заявление. Но его просьбу не успели удовлетворить: районный центр ночью захватили немецкие парашютисты. Райком ушел в подполье, создав в тылу небольшие диверсионные группы.

Не забыли и о Василии — лучшем уполномоченном угрозыска. Он получил назначение в группу, действующую в депо. Василий радовался успехам своих товарищей и потому с гордостью сказал:

— Состав группы — комсомольцы. Дёповские комсомольцы!

— Ваши задачи?

— А разве не валяются под откос ваши составы? У этого эшелона та же судьба.

Гауптман давился смехом.

— Не веришь? Русскому-то человеку не веришь?

Гауптман продолжал смеяться. Беззвучно. Лишь чуть-чуть подрагивали его тонкие губы. Наконец он затушил сигарету и надменно процедил сквозь ровные белые зубы:

— Глупец. Какой же ты глупец...

— А ты фашистская дубина! — не остался в долгу Василий. — Язык-то наш выучил, а души советской не знаешь.

— Швайн! Ду бист швайн!¹ — заревел гестаповец, вскакивая.

В купе ворвался встревоженный охранник. Крафт бешено взглянул на него, и тот юркнул обратно...

— Ты дорого заплатишь за свою дерзость!

Крафт зловеще понизил голос.

— Ты проиграл, Зуев. Проиграл! Завтра все твои диверсанты будут знать, почему поезд, идущий на Восточный фронт, не взорвался, и кто их выдал.

Он пытливо взглянул на Василия, надеясь уловить в нём хотя бы тень испуга или растерянности.

— Сколько времени? — спокойно спросил Василий. Крафт досадливо отмахнулся. Одернул на себе китель, сел за столик.

— Что тебе сейчас до времени. Мы нашли твою мину!

Лицо Василия не выражало ничего, кроме презрения. Крафт со злой усмешкой протянул ему бокал.

— Пей! И говори свой последний тост. Тебе уже немного осталось жить.

Василий встал, выпрямился.

— Сейчас будет салют Первомаю!

— Вас?² — Крафт даже забыл, что знает русский язык.

— Я заминировал не только паровоз, но и этот вагон.

Лицо гестаповца побелело.

— Ва-ас? Ва-ас?!

«Та-та-та-та! Та-та-та-та!» — грозно отстукивали колеса.

— А тост сказать можно... За жизнь! За мою Родину!

Крафт судорожно вскочил, рванулся к двери, и в ту же секунду раздался взрыв.

---

¹ Свинья! Ты свинья! (нем).

² Что? (нем).